

Но в мире есть вечная слава... : стихотворения о войне. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. - Текст : непосредственный // Литературная газета. - 2020. - 26 февр. - 3 марта (№ 9). - С. 29.

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Но в мире есть вечная слава...

И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют.
Лк. 19, 39–40

Времена меняются, но не меняется отношение Запада к России. Несбыточность на протяжении веков её покорения и порабощения с избытком возмещается мстительной ненавистью и клеветой на её историю, судьбу, народ. Когда-то Пётр Вяземский, участник Отечественной войны с Наполеоном, видя, как искажается историческая правда о событиях, свидетелем которых был он сам, заметил: «Талейран, хорошо знающий своих соотечественников, говорит: Ne vous y trompez pas: Les Français ont etc a Moscou; mais gardez-vous bien de croire que les Russes soient jamais venus a Paris (Не ошибайтесь: французы были в Москве, но русские никогда не вступали в Париж). Другими словами, но в этом же смысле и духе писаны многие французские военные истории». Так в откровенной лжи были изобличены Талейран и его «цивилизованные» «лжесловесники» соплеменники.

Друг Вяземского, Пушкин, с ещё большей горечью и широтой, словно о сегодняшней ситуации говоря, показал всю глубину и непреодолимую метафизическую пропасть между расчётливо-циничным Западом и простодушно-жертвенной нашей родиной. «Россия определено было высокое предназначение...» — писал Пушкин. — Её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощённую Русь и возвратились на степи своего востока. Образающуюся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией... А не Польшею, как ещё недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна.

Увы, так же пишется (вернее, переписывается) сегодня на Западе и у нас в стране история Второй мировой войны. Их корёжит от того, что для нашего народа это была «Священная война». Тогдашний СССР уже ставят на одну доску с гитлеровской Германией, а вклад советской армии в Победу, в разгром фашизма сознательно принижается, солдат-победителей иначе как оккупантами не называют. Но мы-то знаем, что переписыванием истории всегда занимаются захватчики (реальные или потенциальные), ибо чтобы изменить будущее народа, необходимо отнять у него прошлое...

И куда же тут опять без гонимой русофобской Польши! Вот её посол в Германии Анджей Пшилебский, словно на Рейхстаге героически расписался, заявив газете Märkische Oderzeitung (8 февраля), что не Советский Союз, а западные союзники внесли решающий вклад в окончание Второй мировой войны. Благо история, и отечественная литература в том числе, сохранили голоса реальных участников, современников тех событий, порою с точными датами, фронтовыми вёрстами, местами сражений, потерь. Не ведая, каким бесчестьем будут их награждать освобождённые ими страны, в своих строках они запечатлели невыдуманную честную правду.

Исторические фарисеи, а ныне невежественные и неблагодарные мелкие талейраны, хотели бы, чтобы свидетели, документы и факты стали небывшими, замолчали навеки. Но тогда «камни возопиют», как сказал Спаситель мира.

Геннадий Красников

Леонид Вышеславский
(1914–2002)

Дни

То курная лачуга, то стены дворца, изваянья мадонн и кресты без конца... Колокольни. Землянки. Окопы... Не в туристском плаще, а в шинели бойца прохожу я по землям Европы. За свободу здесь каждый мой выстрел гремит, и на красном шелку надо мною зарубежного города нима горит, ради жизни добытого с бою. Древний Цецил зовёт нас разливом огней и Моравская кличет Острава... Эти дни — оправдание жизни моей, моего поколения слава.

Апрель 1945 года,
1-я гвардейская армия

Сергей Наровчатов
(1919–1981)

Дорога в Тчев

Я сегодня расскажу вам про дорогу в Тчев, Как на пыльном перекрестке битых три часа Я стоял, ошеломлённый, вовсе проглядев Всё выдавшие на свете синие глаза. Вёл колонну итальянцев однорукий серб, Под норвежским флагом фура проплелась, пыля, И мне честь, шагая мимо, отдал офицер В непривычном мне мундире службы короля.

Шли цивильные поляки — пёстрая толпа!
Шёл француз под руку с чешкой — пара на большой!
Их вчера столкнула вместе общая тропа,
Завтра снова их наделит разною судьбой.

Шёл старик в опорках рваных, сгорблен, сед и хром,
С рюкзаком полуистлевшим на худой спине.
— Где батрачил ты? — спросил я. —
— Где свой ищешь дом?
— Я профессор из Гааги, — он ответил мне.

Шла девчонка. Платье — в клочья, косы — как кудель...
«Вот, — подумал я, — красotka с городского дна».
— Как вы хлеб свой добывали, о мадемуазель? —
И актрисой из Брюсселя назвалась она.

Шёл в диковинных отрепьях, сношенных вконец,
Черномазенький мальчишка, — что за странный взгляд?
— Где ж ты родичей оставил, Расскажи, малец?
— Их повесили в Софии год тому назад.

Так и шли людские толпы. Что там толпы — тьмы! —
Всех языков и наречий, всех земных племён.
В эти дни земле свободу возвращали мы,
В эти дни был сломлен нами новый Вавилон.

Николай Глазков
(1919–1979)

Про гвардейцев

И там и тут По прутьям проволоки колючих Они пройдут Как лучшие из лучших.

Любых высот Достигнут, если надо, И в дот, и в дзот Швырнут они гранату!

Чтоб немцы наш народ не покорили, Они сметут всех немцев, как лавина. И если будут улицы в Берлине, Они пройдут по улицам Берлина. 1943

Вечная слава героям И фронтовое «прости». Фронт не поможет второй им, А мог бы им жизнь спасти.

Лучше в Америке климат И дешевизнее быт; Но мёртвые сраму не имут, А вы отказались от битв.

Вы поступаете здраво, Пряча фронты по тылам; Но в мире есть вечная слава, Она достаётся не вам. 1944

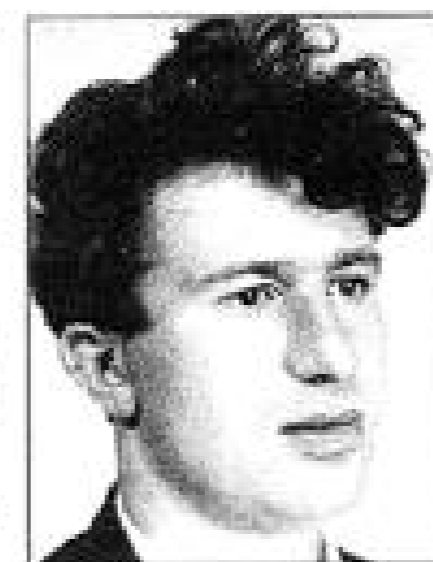
Василий Субботин
(1921–2015)

Эпилог

Курганы щебня, горы кирпича. Архивов важных драная бумага. Горит пятно простого кумача Над обнажённым куполом Рейхстага.

Весь город будто кратера нутро. Мы в нём пока как посреди арены. Фамилиями нашими хитро Испещрены задымленные стены.

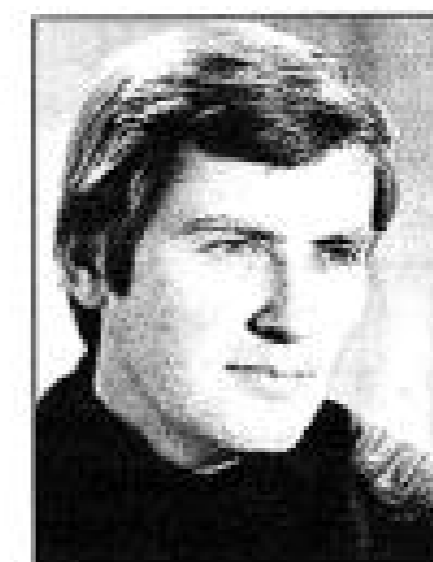
А первый, освещённый флагом тем, Сумел остаться неизвестным свету. Как мужество, что мы явили всем, — Ему ещё названья тоже нету.

Анатолий Брагин
(1935–2006)

Глебу Еремееву

В войну мне выдали бесплатно Американское пальто, Во всей округе, вероятно, Такого не имел никто. Неловко было к оборванцам, К друзьям-приятелям моим, Вдруг заявиться иностранцем Или начальником каким. Пальто и спереди и сзади — Не веришь, мать мою спроси, — Я до того отдал за день, Что хоть тряпичнику неси! За это мать со мной вожжами Поговорила, Но зато Уж никого не обижало Американское пальто. 1966

Михаил Шелехов
(1954)

Бронзовый сирота

Здесь армии прошли. И отдымались вёрсты. Не злитесь вороньё на санитаров строй. Трава стоит — жива, где положили роты Сто тысяч лет своих — в песок земли чужой.

Холмы сырой земли черней смертельной раны. И водка для живых, как смерть сама, крепка. А земляничным дух невыбитой поляны Амброзией летит к героям в облака.

Примяли русский чуб чужой песок и гравий. В чужое небо взвод три залпа вбил, как клин.

И поспешил вперёд, как феникс многоглавый, А на земле чужой остался русский сын.

Холмы земли свежей, чем кровь героической раны. И прячется звезда в тени скорбящих лип. Но птицы, что летят в апостольские страны, Садятся, чтобы взять щепоть святой земли.

Тут русский спит герой. Как сказочная птица. Прибалтики герой, не нужный нынче ей. Так плачь и не молчи, небесная станция! И Богу говори про всех его детей. 1974